

Н.С. Юлина

ДЭНИЕЛ ДЕННЕТ

Дэниел Деннет - современный философ-аналитик, автор множества работ, являющихся на сегодняшний день, пожалуй, наиболее фундаментальными исследованиями по философии сознания.

Одна из примечательных особенностей англоязычной аналитической философии последних пятидесяти лет - необычайная интенсивность дискуссий по проблеме сознания. Их история - серия атак на тайну сознания, этот «последний бастион» традиционной философии, которая представляется вызовом оптимистической вере в способность рационального человека познать самого себя. Важный вектор этим дискуссиям задают идеи и работы Дэниела Деннета.

Дэниел Деннет родился в 1942 году, учился в Гарвардском и Оксфордском университетах. В Гарварде его учителем был У.Куайн, в Оксфорде - Дж.Райл. В настоящее время философ преподает в университете Тафтса (США), является директором «Центра когнитивных наук», соредактором влиятельного журнала «Behavioral and Brain Sciences», почетным профессором искусства и наук.

Перу Деннета принадлежат книги: «Содержание и сознание» (1969), «Головоломки. Философские очерки о сознании и психологии» (1978), «Пространство для свободы. Варианты свободы воли, стоящие того, чтобы их желать» (1984), «Интенциональная установка» (1987), «Сознание объясненное» (1991), «Опасная идея Дарвина. Эволюция и смысл жизни» (1995), «Виды сознания» (1996), «Дети мозга» (1998). Главная тема творчества Деннета - проблема сознания - исследуется

им как веер подпроблем: духовное и телесное, самость и личностное, интенциональность, свобода воли и детерминизм, человек и животное, естественный и искусственный интеллект, объяснительные возможности научной психологии и фолк-психологии и другие. Каждая его работа по выходе сразу же переводится на многие языки, а выдвинутые им идеи и подходы активно обсуждаются как философской общественностью, так и среди психологов, специалистов по когнитивным наукам и искусственному интеллекту. Широкий отклик, который вызывают идеи Деннета, в немалой степени объясняется стилистикой его работ: богатая фантазия, образный язык, использование остроумных примеров и аналогий в сочетании с поразительной эрудицией в самых различных областях знания обеспечивают ему широкую читательскую аудиторию.

По своим философским убеждениям Деннет одновременно и радикал, и консерватор. Он радикал в том, что подвергает деконструкции привычный «картезианский» образ «Вселенной Сознания» с его менталистскими представлениями об ощущении, самости, свободе воли, личности. Взамен он предлагает материалистическую теорию, именуемую им по-разному: «функционалистским физикализмом», «AI процессуально-информационной моделью сознания», «семиотическим материализмом». В книге «Сознание объясненное» (1991) он выступил с провокативным заявлением, будто «все мы - зомби» и «никто не является сознающим»¹, а нашу самость лучше всего толковать как «центр нарративной гравитации». Эта книга вызвала массу негодующих рецензий, хотя были и другие мнения: она заставляет задуматься о глубине и масштабности головоломок феномена сознания, о необходимости поиска принципиально новых ключей для их разгадки.

В то же время - и это существенно отличает Деннета от культур-релятивистов и постмодернистов - он консерватор в отношении ценностей науки, рациональности, истины, твер-

до отстаивающий теоретизм философского знания. Будучи сциентистом и оптимистом, и в этом отношении типично американским философом, Деннет убежден, что «загвоздка Вселенной», какой является проблема сознания, вполне разрешима, если дать простор философскому воображению и присмотреться к тому, что делается в когнитивных науках, науках об искусственном интеллекте, в биологии и нейрофизиологии. Он далек от слепого приятия всего того, что там происходит. В понимании интеллектуальной деятельности эти науки находятся сегодня в затруднении, испытывая острую потребность в эвристических идеях; данную потребность могла бы удовлетворить философия сознания как философия науки. «Философия сознания, - пишет Деннет, - ...занимаясь концептуальными основаниями и проблемами наук о сознании, превратилась в область философии науки. Это обстоятельство изменило форму и содержание философских теорий сознания таким образом, что в дискуссии по традиционным вопросам введено много эмпирических данных и концептуальных инструментов новых научных подходов, а также тем, что в них ставятся новые вопросы, возникающие из-за загадок и ловушек, таящихся в этих подходах»². Собственно, все свое творчество он мыслит как прокладывание путей для новой области философии сознания как философии науки.

В целом Деннет продолжил стратегию Дж.Райла на дискредитацию представления о сознании как «духе в машине» и линию Л. Витгенштейна на развенчание идеи «приватного опыта», во многом унаследовав их логический бихевиоризм. Однако еще при подготовке диссертации в Оксфорде им была высказана крамольная для лингвистического анализа мысль о необходимости натурализации философии сознания и применения к ней эволюционной парадигмы. Будучи студентом в Гарварде, он испытал сильное влияние У. Куайна, которое определило натуралистический и панобъективистский вектор его философии. Одновременно его воображе-

ние захватили начавшийся бум компьютеризации и перспективы исследования естественного интеллекта в сравнении с искусственным. Новаторская работа Г.Саймэна и А.Ньюэла, в которой сравнивались мыслительные действия человека с операциями компьютера, пионерский шаг Хилари Патнэма, применившего идею «Машины Тьюринга» для объяснения сознания³, утвердили его в стратегии применения к объяснению сознания дарвиновского эволюционизма в совокупности с идеей «универсальной машины Тьюринга».

Забегая вперед в оценке этой стратегии, скажем, что метафизическая мечта Деннета состоит в том, чтобы показать, что подобно тому как объективно, то есть без какого-либо агента (субъекта), в мире работают алгоритмы «Машины Дарвина» и «Машины Тьюринга», *мысли также могут сами себя мыслить, обходясь без мыслителя*. Свою цель он видит в том, чтобы выявить общие для природы, сознания и артефактов культуры алгоритмы.

В этом кратком очерке о философии Деннета мы выделим основные смысловые узлы и когнитивные средства, которые он использует для реализации данной цели.

Иллюзии «Картезианского Театра» Чтобы понять смысл радикалистского проекта Деннета в отношении сознания, нужно прежде всего посмотреть на то, что он опровергает. Это - представление о существовании особой ментальной реальности, управляемой «самостью» («Я», «активным агентом», «трансцендентным субъектом» и др.). Этот образ он именуется «Картезианским Театром», или «гомункулизмом». В нем Я, или самость, изображается в виде спрятанного внутри головы человечка - *homunculi* (или «Внутреннего ока», «Главного редактора», «Трансцендентного субъекта»), командующего сознательными процессами. Исходный постулат, на котором строится идея «Картезианского Театра», - разделение мира на *res extensa* и *res cogitans* и отнесение сознательных процессов к *особым ментальным*, *субъективным*,

внутренним, трансцендентным состояниям. Деннет убежден, что такой образ сознания и самости является абсолютно ложным, он не оправдан философски и пришел в противоречие с имеющимися научными фактами об интеллектуальной деятельности человека. Верный духу позитивизма и физикализма, он утверждает, что мир един, а не раздвоен, в нем действует единая система каузальных связей и, соответственно, сознание и самость должны быть объяснены в рамках единого объективного знания и без обращения к сакраментальной фразе, что «здесь имеет место вечная тайна».

Существенный изъян дуализма Деннет видит в том, что феномен ментальности сознания сам нуждается в объяснении (откуда он взялся?), а в связи с этим возникает *угроза бесконечного регресса*. Приписывая самости самоактивность, дуализм изображает ее в виде никем не означенного и в то же время неисчерпаемого «родника значений», играющего такую же роль, какую в космологии Аристотеля играл «неподвижный двигатель», наделенный свойством инициации любого движения. Опасность дуализма состоит в переводе сознания в сферу, находящуюся вне досягаемости объективного научного исследования, а интеракционизм духовного и телесного апеллирует к неведомой науке психо-физической каузальности.

Конечно, опровержением Декарта занимались многие мыслители и до Деннета. Для понимания его мотивов следует иметь в виду, что, борясь с представлением о сознании как «Картезианском Театре», в котором смысловые действия зависят от «главного режиссера» - самости, Деннет имеет в виду позиции не столько философов прошлого, сколько современных его коллег. Многие из них вовсе не склонны отказываться от идеи реальности сознания и центризма самости и тоже апеллируют к науке (К.Поппер, Дж.Экклз, Дж.Фостер, Дж. Сёрл, М.Локвуд, К.МакГинн и др.). Второй момент, который также важно иметь в виду, заключается в том, что объектом критических атак американского философа является не толь-

ко менталистский вариант дуализма, но и его материалистический двойник, который он называет «*Картезианским материализмом*». Он свойственен не только философам, но и когнитивным ученым. «Ученые и философы могут достигнуть ту или иную форму консенсуса в пользу материализма, - говорит Деннет, - но освободиться от старых дуалистических образов значительно труднее, нежели это полагают современные материалисты... это требует весьма опасной корректировки наших привычных способов мышления...»⁴. В той или иной форме «картезианские материалисты» воспроизводят идею «шишковидной железы» Декарта, чаще всего в виде главного «нейрона» - физического аналога ментальной самости, собирающего чувственную информацию, редактирующего ее и дающего команды поведению. Этому нейрону, или «центру», приписывается великое таинство - интеракция сознания с нейрофизиологическими процессами мозга. Между тем, объяснение сознания в терминах физических процессов мозга всегда существенно неполно, поскольку оно упускает содержательный (когнитивный) аспект сознания.

Миражи «феноменального сада» в свете гетерофеноменологии

Стратегически решающую роль в наступлении Деннета на дуализм играет опровержение им интроспективизма и феноменализма (или феноменологии); не доказав ложности представления о существовании ментальных феноменов опыта и их «прямого осознания» (или внутренней репрезентации), нельзя опровергнуть иллюзии «Картезианского Театра». Продолжив линию Л.Витгенштейна, Н.Гудмена, У.Селларса и других философов-аналитиков, разоблачавших «миф данного», он подвергает этот миф дальнейшей и более детальной деконструкции.

Со времен Локка, Юма и Беркли литературы на тему опыта, говорит Деннет, накопилось предостаточно. Вместе с тем ситуацию в целом можно оценить как путаницу: и ученые, и

философы запутались в лабиринте проблем, связанных с качественными характеристиками опыта, выбраться из которого трудно. Томас Нагель утверждает, что по мере приближения к субъективному миру сознания мы вынуждены оставить за спиной объективный мир науки и обратиться к «точке зрения от первого лица». Даже революционизированная наука, полагает он, будет не в состоянии совладать с субъективными свойствами сознательных ментальных процессов⁵. Дж. Сёрл усматривает ограниченность в нынешнем понимании объективности и даже признаки кризиса науки в том, что та не в состоянии преодолеть асимметрию между научным подходом к объяснению интеллектуальной деятельности и точкой зрения здравого смысла, опирающейся на субъективный мир ощущений и чувств⁶. Мысль о неподвластности субъективности объективным методам в их современном понимании в той или иной мере разделяют Майкл Локвуд, Нэд Блок и другие.

У Деннета другая позиция: дело не в ограниченности науки, а в ограниченности философского воображения. Несмотря на то, что в понимании опыта многое остается еще неясным, феноменологии следует бросить «радикальный философский вызов». Вызов включает решение двух взаимосвязанных задач: во-первых, показ несостоятельности интроспекции и, во-вторых, доказательство иллюзорности «данных опыта».

Главную причину путаницы и у философов, и у психологов Деннет видит в том, что все они продолжают опираться на интуицию о самих себе и приписывают ей, говоря словами Р.Рорти, «привилегированный статус». На базе этой интуиции возникло множество поддерживающих друг друга доктрин, горизонт которых ограничен стенами «Картезианского Театра» с его Центральным Наблюдателем. Несмотря на то, что в его стенах возникает масса неразрешимых парадоксов (парадокс регресса, парадокс никем не означенного Означивателя, парадокс Наблюдателя, парадокс ощущений и др.), а

идея Театра противоречит новым научным данным об опыте, попытки разрешения парадоксов предпринимаются, не выходя за его стены.

На протяжении многих лет Деннет пристально изучал накопленные в когнитивных науках, нейронауках и психологии факты о том, как нам представляются «данные опыта». Вывод, сделанный на их основе, состоит в том, что испытуемые субъекты часто не в состоянии дать непротиворечивые ответы на вопрос о том, какими именно «данными» они оперируют и каково место их Я в собственном опыте; многое из того, что интуитивно им кажется непосредственно воспринимаемым, на самом деле они вообще не воспринимают, а что они в действительности воспринимают, их «Я» не видит. Исследователи сталкиваются с фактом, что конкретный опыт, как он представляется субъекту, трудно точно зафиксировать; его ткань изменяется по мере описания, зависит от времени описания, трансформируется в ходе обучения и приобретения знания. Отчеты субъектов о своих внутренних переживаниях включают самокорректировку, зависят от имеющегося у субъекта понятийного багажа и массы других факторов. Такого рода примеры, считает Деннет, делают сомнительной идею о приватном мире, к которому испытуемый имеет безошибочный и привилегированный доступ, а вместе с этим и идею о сознании как Театре или Сцене, наблюдаемой и контролируемой единым режиссером - самостью. Скорее они оказываются свидетельствами того, что человеческие существа являются закоренелыми мистификаторами в отношении их собственного чувственного опыта и мышления. Не случайно специалисты по искусственному интеллекту, занимающиеся созданием понимающих язык компьютерных систем, игнорируют «магию феноменологии». В значительной мере это происходит «в силу их убеждения, что феноменология, какой бы реальной и привлекательной она ни казалась, является нефункциональной - колесом, которое крутится, но не приводит в движение ни одну важную машину восприятия»⁷.

«Дисквалификация квалиа»

Со времен Локка философам не давал покоя вопрос, что собой представляют (онтологически) качества нашего опыта, когда мы видим, например, красный закат, слышим звук грома, нюхаем цветок или вкушаем пищу. После того как под напором физического знания цвета, запахи, звуки, вкусы были изгнаны из «внешнего» мира, современные авторы стали искать для них безопасное место в черепной коробке, приспособив для этого различные имена: «сырые чувства», «феноменологические качества», «внутренние свойства сознательных опытов сознания», «качественное содержание ментальных состояний». В последнее время в литературе наиболее употребительным стал термин «квалиа» (от лат. *qualia (quale)*) - предмет обсуждения, свойства, качества). Деннет находит этот термин удобным для последующего обсуждения, с той оговоркой, что главная задача состоит не в придании нового смысла этому термину, а в его «дисквалификации». Только таким ему видится подход к проблеме квалиа—«мучительно спутанному клубку все более растущих и закручивающихся вихрями мысленных экспериментов, жаргонов, аллюзий ...и попусту потраченных усилий»⁸.

В свое время Локк задался вопросом, где находятся «вторичные качества», например, цвет, - в мозгу или во внешнем мире? Несмотря на то, что после него основательно исследована физика цвета и доказано, что ощущение цвета зависит от отражения световых волн определенной длины, ясного ответа на этот вопрос до сих пор нет. В стандартном современном учебнике о мозге, например, говорится, что «цвета» как такового в мире нет, есть только множество световых волн разной длины; цвет существует только в глазах и мозгу зрителя. В данном определении, говорит Деннет, явное противоречие. Мозг и глаза находятся в том же самом физическом мире и сами имеют цвет. Где и в каком виде он там прячется? Неясность существует и относительно объективного местоположения цвета: разные отражательные поверхности

могут давать один и тот же цвет, а одинаковые поверхности при разном освещении - разный цвет. «Это давняя философская головоломка, которой сегодня мы должны взглянуть в лицо»⁹.

Посмотрим, какую альтернативу Деннет предлагает субъективизму, чтобы справиться с ней.

«Вторичные качества», признает Деннет, чрезвычайно резистентны для прямолинейного и четкого (философского) определения. Имеет смысл за подсказками обратиться к эволюционным гипотезам ученых, хотя философские спекуляции здесь более чем уместны. Ему импонирует высказанная рядом ученых (К.Экинс, Н.Хэмфри и другие) мысль о коэволюции цветового зрения и цветового кодирования объектов. «С самого начала цвета были созданы для того, чтобы быть видимыми теми, кто создан для того, чтобы видеть их»¹⁰. «Изначально существовали различные отражательные свойства поверхностей, реактивные свойства фотопигментов и т.д., а Мать Природа развила из этих сырых материалов эффективные взаимоприспособленные системы «цветового» кодирования - «цветового» видения («color»-coding, «color»-vision systems), и среди свойств, которые возникли из этого дизайна, оказались такие, которые мы, нормальные человеческие существа, называем цветом»¹¹. Тот факт, что синий кобальт и синее крыло бабочки мы воспринимаем как синий цвет, есть побочный продукт этого исходного эволюционного процесса, который породил цветовое зрение в единстве с цветовым кодированием.

Данная эволюционная идея все же не отвечает на вопрос, что такое цвет и где он находится. Предположение Деннета состоит в следующем: отражательные свойства объектов являются причинами, обуславливающими различные дискриминационные состояния, которые в свою очередь задействуют лежащие в их основе эволюционно встроенные диспозиции, а вместе с ними приобретенные диспозиции и привычки разного уровня сложности. У владеющих языком

человеческих существ дискриминационные состояния задействуют приобретенные диспозиции к вербальным суждениям в отношении «цвета» различных вещей.

В данном случае это каузально объяснимый процесс, не требующий ничего эпифеноменального. А раз так, процессы, которые при этом происходят в мозгу, могут в принципе происходить и в машине. Когда роботу дается задание распознать различие в оттенках красного цвета на американском флаге и на одежде Санта Клауса, он выдает ответ в цифровом измерении, например, первый красный цвет #163, а второй #172, то есть разница составляет #9 единиц¹². Конечно, существует огромное различие в комплексах диспозиций, на основе которых эту задачу выполняет робот и, с другой стороны, человек, но тем не менее это не качественное различие. «Я утверждаю, что у нас нет никаких квалиа вообще. Тот вид различия, который, как думают люди, существует между любой машиной и любым имеющим опыт человеческим бытием, ...я решительно отвергаю: такого вида различий не существует»¹³.

В суммарном виде негативный тезис Деннета в отношении феноменологической стратегии выражен в «Сознании объясненном» следующим образом: «Самой естественной вещью в мире является представление о сознании как действующем в некоем виде «Картезианского Театра»... Но стоит нам со всей серьезностью посмотреть на происходящее за его кулисами (в науках о мозге, в эмпирической психологии), как обнаруживается, что в действительности мы не видим того, что, как нам казалось, мы видим на его сцене. Огромная пропасть между феноменологией и физиологией немного сужается; мы видим, что некоторые «очевидные» черты феноменологии вообще не являются реальными: не существует заполняемости воображения, не существует внутренних квалиа, не существует центрального источника значения и действия, не существует магического места, где происходит понимание. «Картезианского Театра» в действительности не существует...»¹⁴.

Объективизм гетерофеноменологии, или как возможно исследовать сознание эмпирически

Восстания против дуализма, как известно из истории философии, предпринимались не раз, но они всегда заканчивались появлением реформированных форм дуализма с более софистичной аргументацией. Какую методологию предлагает Деннет, чтобы окончательно положить Декарта на лопатки? Уже в первой его книге «Содержание и сознание» (1969) философом была сформулирована стратегия, которой он остался верен и позднее. Суть ее состоит в следующем: во-первых, акцент на содержательной, а не на нейрофизиологической стороне сознания; во-вторых, объяснение сознания в обход ментального и феноменального; в-третьих, исследование сознания «с точки зрения третьего лица» (the third-person perspective). Этот метод он называет *гетерофеноменологией* (противопоставляя его *аутофеноменологии*, апеллирующей к внутреннему опыту субъекта, или «точке зрения от первого лица» (first-person perspective).

Гетерофеноменологию Деннет представляет как нейтральный и эмпирический метод исследования. Эмпирические методы широко используются в экспериментальной психологии и когнитивных науках—анализ поведенческих стереотипов, исследование физиологических процессов мозга вплоть до агрессивного вторжения в мозг. С их помощью достигнут ряд проверяемых фактов. Тем не менее эти приемы являются ограниченными: на их основе невозможно строить теории сознания, обладающие предсказательной силой. Предсказывать в их рамках - это все равно что гадать, где и когда ударит молния. Ошибочно думать, что сознание можно объяснить исключительно нейрофизиологией и физическим поведением.

Деннет выделяет и другие моменты. Эмпирически исследовать сознание, значит исследовать с *нейтральной* (объективной) точки зрения то, о чем сам субъект говорит как о своем ментальном мире и выносит о нем суждения. «Нормально

достаточным условием для того, чтобы иметь опыт чего-то, является последующий вербальный отчет»¹⁵. «Флора и фауна феноменального сада», принимаемая нами за реальности, в действительности кажущаяся, реально существуют только отчеты, верования, мнения, суждения. В целом можно сказать, что гетерофеноменология Деннета переориентирует анализ с внутренних и феноменальных аспектов опыта сознания на его внешние лингвистические, когнитивные и поведенческие аспекты. (В современной литературе эта точка зрения именуется «когнитивизмом»).

Издаваемые субъектами речевые шумы и другие коммуникативные средства он предлагает рассматривать как транскрипты, или *тексты*, анализ которых позволяет обнаружить множество регулярностей и зависимостей. Тексты не являются чем-то только лингвистическим. Например, мир «Мадам Бовари» может быть репрезентирован и в виде книжного текста, и видеоряда, и театрального действия, и с помощью других семиотических средств.

Следующий шаг в эмпирическом исследовании сознания - *движение за текст*. Деннет обращает внимание на сходство работы с текстами, проводимой исследователем сознания, с герменевтической интерпретацией текстов литературоведами и анализом компьютерной информации специалистами по искусственному интеллекту. Сходство состоит в возможности *отрыва от текста*. Литературный критик может двигаться за пределы текста, созданного, например, А.К. Дойлом, и интерпретировать мир Шерлока Холмса, отвлекаясь как от реального прототипа героя, так и биографии автора. Точно так же гетерофеноменолог может рассматривать высказывания и суждения как ведущие собственную жизнь, отвлекаясь от связи этих высказываний с реальными референтами и с предполагаемым «автором» - сознанием.

Возможность двигаться за текст указывает на главную тайну сознания. По Деннету, она состоит не в наличии в физическом мозгу ментальной реальности или загадочного нейро-

на, а в том, что *мысли сами себя мыслят*: фантазия субъекта плетет тексты о самом себе и других людях, заново переписывает их, накладывает поздние тексты на ранние, редактирует их и обновляет. Отсюда следует одно из принципиальных положений нейтрализма — *множественность реализации* (или инкарнации): там, где мысли сами себя мыслят, не имеет значения, в ком или в чем реализуется мыслительный процесс. Объект реализации может быть органическим мозгом, физическим компьютером, институтом или организацией. Например, заложенная в компьютере информация имеет элемент самотворчества. Подобно тому как мы можем анализировать художественное произведение с точки зрения выведения из него возможных событий, непредусмотренных автором, производимая компьютером информация тоже может интерпретироваться с точки зрения самотворчества новой информации. Ее невозможно редуцировать к физическому веществу, дизайну или исходной программе компьютера. Точно так же мы не можем объяснять интеллектуальные процессы человека только физическими и химическими процессами или дизайном мозга.

Метафизический вопрос, возникающий в отношении деннетовского эмпиризма и нейтрализма, состоит в следующем: что собой представляет гетерофеноменологический мир, в котором мысли сами себя мыслят, а тексты творят другие тексты? Этот мир, отвечает Деннет, *виртуальная реальность*. Мир субъекта населен множеством воображаемых объектов, «но если мы спросим, что собой представляют эти объекты и из чего они сделаны, мой ответ таков: *не из чего!* Из чего сделан мистер Пиквик? Не из чего»¹⁶. В отличие от мозга или жесткой конструкции компьютера, у воображаемого мистера Пиквика нет пространственно-временных характеристик.

Из сказанного видно, что деннетовская онтология является не альтернативным объяснением тех же самых феноменов, которые присутствуют в модели «Картезианского Теат-

ра», а их элиминацией. Главный акцент здесь сделан на когнитивных, лингвистических, семиотических аспектах сознательных процессов. Согласно картезианской модели, если мне кажется, что Я являюсь единой самостью, следовательно, мое единое Я существует, если мне больно, значит боль существует. В деннетовской онтологии кажимость самости и субъективных образов не есть признак их онтологического бытия. Существуют только суждения, верования о том, что у меня есть некоторое состояние сознания, и только они объективно (интерсубъективно) верифицируемы. Опыт боли становится болью при условии отчета индивида о ней, а отчет эмпирически проверяем при исследовании неполадок организма. Ведь субъективная боль может быть и фантомом.

По Деннету, люди являются социальными самостями и многое в их ментальных способностях, включая ощущаемые качества опыта и эмоции, построено через коммуникации с другими людьми и через обучение языку. Для того, чтобы объект обладал признаками сознательности, нужно, чтобы у него был определенный тип информационной организации с широким набором когнитивных сил (таких, как сила рефлексии и сила репрезентации). Данный тип внутренней организации не возникает автоматически вместе с так называемой «чувствительностью» (sentience) и реакцией на окружающую среду. Его нельзя считать атрибутом млекопитающих, теплокровных или позвоночных. Это тип организации, сложившийся только в одном виде животных - homo sapiens и никаких других. Другие виды животных имеют в чем-то схожие нейрофизиологические организации, но различия между человеком и ими столь велики, что апелляция к примеру других животных *не имеет смысла*. Как не имеет смысла приписывать сознание человеческим младенцам, не владеющим языком. «Вид информационной унификации - наиболее важное исходное условие *нашего* типа сознания - не есть что-то, что дано от рождения, он не составляет часть нашей внутренней и «жестко фиксированной» конституции (hard writing), но в

удивительно большой мере является артефактом нашей погруженности в человеческую культуру»¹⁷.

Интерпретативизм интенциональной установки

Многие комментаторы считают, что антикартезианским аргументам Деннета нельзя отказать в убедительности. Но как быть с вызовом, брошенным физикалисту Францем Brentano, который выдвинул тезис, что признаком бытия ментального является интенциональность наших верований о мире и о себе? Куайн счел понятие «интенциональность» излишним в физикалистской картине мира и отбросил его. Деннет с ним не согласился: конечно, это понятие нельзя включить в каузальное объяснение, но мы не можем отбросить факт, что характеристикой большинства произносимых нами текстов является *интенциональная направленность*. Деннет предложил весьма оригинальную трактовку интенциональности. (Близкий ей смысл он нашел в работах Ч.Тейлора и в особенности Дж. Энскомб).

В объяснении мира, говорит Деннет, мы пользуемся тремя объяснительными стратегиями, или установками: мы прибегаем к *физической установке*, когда нам нужно получить механистическую картину объекта; к *установке дизайнера*, когда нам важна роль структуры или организации в функционировании объекта; когда же требуется объяснить поведение объекта, наиболее эффективной стратегией является принятие *интенциональной установки* (intentional stance). Только первые две установки - установка дизайнера и физическая установка - являются механистическими и каузальными, то есть наделены *онтологическим* статусом. Интенциональная установка не имеет его, она *нормативна*, зависит от правил нашей социолингвистической практики, есть дело *решения и прагматического выбора*, а не *открытия*, как первые две.

Признание направленности наших верований на что-либо у Деннета не означает, как это было у Brentano, признания их необходимой связи с сознанием, или ментальным. Это

есть признак того, что нами всегда принимается установка на интерпретацию *поведения* исследуемых объектов. Эта бихевиористская установка имеет тот смысл, что производимые субъектами тексты могут быть *интерпретированы* как их верования, желания, намерения и что нормой последних является *рациональность*. Это относится к *объяснительной стратегии* прагматического предсказания поведения любого объекта, будь то человеческая личность, животное или системы, у которых нет сознания, например, компьютер и артефакты.

Бихевиоризм интенциональной установки у Деннета имеет более широкий смысл, чем в классическом, или логическом, бихевиоризме. Мир рассматривается им в виде иерархии интенциональных систем или уровней, в соответствии с которыми следует строить понимание взаимодействия неживой природы, живой природы и человека. Не все интенциональные системы являются людьми. Можно приписывать верования и желания собакам и рыбам и таким образом предсказывать их поведение. Данная процедура уместна и для предсказания поведения машин. «*Допустив* наличие у компьютера определенных верований (или информации) и желаний (или функций предпочтения) успешно провести шахматную игру, я могу при благоприятных условиях вычислить наиболее вероятный следующий шаг компьютера в *случае допущения посылки о рациональном использовании компьютером верований и желаний*»¹⁸.

В отличие от сторонников реализма, продолжающих считать интенциональность внутренним свойством организма, а верования и желания - ее отражением (такой позиции придерживается, например, Джерри Фодор), Деннет утверждает, что интенциональный паттерн можно считать реальным, но не в смысле отражения уникальной внутренней конституции агента, а в смысле проявления *общих природных структур*. Подобно тому как мы допускаем, что будильник зазвенит в положенное время, поскольку он так был спроектирован

человеком, не приписывая ему при этом внутреннюю интенциональность будить человека, точно так же мы не должны считать интенциональность особым внутренним качеством индивида.

Интерпретативизм интенциональной установки Деннета вполне возможно расценивать как инструментализм и ирреализм. (Именно так эту теорию определил Р.Рорти). Деннет пытается обойти опасности инструментализма и ирреализма с помощью натурализма; он объективирует интенциональность с помощью дарвиновской теории естественного отбора. В книге «Интенциональная установка» (1986) сама биологическая эволюция рассматривается им с точки зрения разворачивания интенциональной установки. Структуры интенциональности, присущие человеку и животным, он относит к особым случаям природного дизайна. Человеческая интенциональность, включая интерпретативизм интенциональной установки, оказывается производной по отношению к первичной интенциональности Матери-Природы. Именно в ней объективно, то есть без какого-либо агента, работает алгоритм «Машины Дарвина». Именно она лежит в основе наших как врожденных, так и приобретенных диспозиций.

Если у Brentano понятие «интенциональность» раскололо и Вселенную, и науки, то такое толкование интенциональности, полагает Деннет, связывает науки о физическом с науками о поведении человека.

«Модель Множественных Набросков», язык и компьютерная аналогия

Допустим, картезианское представление о сознании и самости и интроспективная методология являются философски нездоровыми и научно необоснованными, но что можно предложить взамен? По Деннету, единственной альтернативой может быть функционалистская трактовка сознания. В современной философии сознания функционализм представлен

множеством версий, и мы не будем на них останавливаться. Более или менее общая идея состоит в следующем: то, что мы называем сознательными состояниями, следует считать не видами физического или ментального, а функциональными состояниями. Эту реляционную установку разделяет и Деннет: у сознания нет атрибутивных свойств, а есть только функциональные отношения. Конечно, описывать отношения без свойств сложно. Лучше всего для этого подходит язык метафор.

Деннет предлагает заменить образ «Картезианского Театра» принципиально иным образом сознания. Он называет его «Моделью множественных набросков» (the Multiple Drafts model). Фигурируют и другие названия: «Мягкая программа компьютера» (Software), «Виртуальная машина» (Virtual Machines), «Пандемониум Гомункулов» (Pandemonium of Homunculi). В последних работах он использует для образа сознания другую метафору - быстро преходящая «известность» или «слава» (fame) в конкуренции с другими «стремящимися к известности» содержаниями. Все это только метафоры для картины сетевого, «глобального» функционирования мозга и сознания.

Согласно «Модели множественных набросков», картина происходящих в голове процессов предстает в следующем виде. Мозг человека получает поток информации, поступающей из внешнего мира или организма (input). Он ее перерабатывает, подвергая все большей и большей дифференциации и спецификации, в процессе чего генерируется что-то вроде сетей, черновых набросков или, как он называет их, «драфтов» (drafts). Драфты мультиплицируются разнообразными частями мозга и в разных сочетаниях (отсюда Multiple Drafts). «В соответствии с моделью множественных набросков, - пишет Деннет, - все вариации восприятия и, конечно, все вариации мысли или ментальной активности осуществляются в мозгу параллельными, мультитрековыми процессами интерпретации и обработки чувственных inputs. Поступа-

ющая в нервную систему информация подвергается непрерывной «редакторской ревизии»¹⁹.

Реакции на получаемую информацию, процессы ее дифференциации и редактур происходят непрозрачными для сознания способами. Порою разные участки мозга одновременно реагируют на несколько потоков информации, производя противоречивые драфты. Одни драфты могут исчезать, не оставив следа, другие становятся приоритетными, перекрывая или подавляя иные драфты, а самые «упорные» заявляют о своем присутствии «через пресс-релиз в виде вербального поведения»²⁰. Смысл этой модели - нарисовать децентрализованную картину функционирования сознания, показать, что в нашей голове трудится не один имеющий жесткую бюрократическую систему гомункул, а множество, и каждый сознательный акт представляет собой что-то вроде эпидемического взрыва (пандемониума) гомункулов, выполняющих разнообразные функции и говорящих на разных языках. Центра или главной точки, куда стекаются и где преобразуются разнообразные потоки драфтов, не существует. Тем не менее, это не мешает целостному восприятию объектов. Процесс обретения целостной картины объекта чем-то схож с просмотром кинофильма: мы воспринимаем содержание фильма целиком, в то время как отдельные эпизоды (драфты) промелькнули вне последовательности.

Непрерывно производимые и переплетающиеся драфты не образуют какофонии, и человек с нормальным мозгом действует разумно и по обстоятельствам потому, что в работу драфтов свою лепту вносят разного типа диспозиции. Прежде всего несомое ими содержание зависит от *биологически встроенных* диспозиций (они включают в себя притягательность к одним вещам, неприятие других и многое другое), которые в свою очередь зависят от спроектированного Матерью-Природой дизайна человека. Помимо них производимые драфты испытывают влияние *приобретенных в социуме и обучении паттернов*. К последним относятся диспозиции по

произведению речевых комментариев о происходящем внутри и вне человеческого бытия.

Возникает вопрос, каким тогда должен быть теоретический язык и уровень описания мультитрековой функциональной организации сознания? На этот вопрос у Деннета есть вполне определенный ответ. Язык нейрофизиологии для этого недостаточен; необходимый нам уровень описания и объяснения сознания аналогичен (хотя и не идентичен) тому, который называют в описании компьютеров «software level». Главная задача состоит в том, чтобы понять, как человеческое сознание реализуется в операциях *виртуальной машины*, созданной культурой в мозгу. «Понятия компьютерной науки дают подпорки для необходимого нам воображения, если мы хотим продрапать через terra incognita между феноменологией, какой она представляется нам по нашей «интроспекции», и нашими мозгами, о деятельности которых рассказывает наука. Рассуждение о наших мозгах как информационно- процессуальных системах поможет постепенно рассеять туман и увидеть путь сквозь этот великий провал, показывая, как же это может быть так, что наш мозг продуцирует все феномены»²¹.

Подытоживая, можно сказать, что, согласно «Модели Множественных набросков», архитектура сознания имеет три уровня. В самом основании находится структура мозга и нейронная активность, своего рода органический «hardware». Над ней надстраивается «software» - абстрактная формальная система, или содержательность в форме функционирования виртуальной информационной программы. «Software» использует «hardware» мозга для возведения третьего уровня. Он состоит из набросков, или драфтов, которые составляют нашу реальную речь и поведение.

В деннетовской «архитектуре сознания» многое еще остается неясным. В частности, самое загадочное звено - где и как в мозгу довербальные «содержательные драфты-специалисты», или, как Деннет их еще называет, «демоны», вступают

в интеракцию со «специалистами, знающими слова и грамматику» (иначе говоря, как стыкуется биологическое и социальное). Многие в прояснении этой встречи, по его мнению, зависят от дальнейших эмпирических исследований мозга. Тем не менее уже сейчас можно сказать, что бытующая «бюрократическая» модель, согласно которой содержательные драфты передаются по эстафете некоему «Центральному означивателю», пассивно придающему им смысл и вербальную форму, не соответствует фактам. Деннет придерживается гипотезы, согласно которой связь невербального с вербальным осуществляется не на основе диктата первого, а на основе принципа оппортунизма, параллелизма, взаимной коррекции и обратной связи. Содержательные драфты влияют на выбор слов, однако и слова в свою очередь влияют на характер несомого ими содержания. Поэтому жесткой демаркации между невербальными и вербальными процессами мозга провести невозможно.

Итак, по Деннету, доминантным фактором сознания, влияющим на все уровни мышления, является язык. Слова выступают катализаторами, ускоряющими коммуникацию одной части мозга с другой. Структуры грамматики, дисциплинируя привычки мышления, формируют диспозиции, с помощью которых мы апробируем наши «базы данных». Усваиваемые в процессе обучения структуры социальных паттернов руководят нами и побуждают задавать себе и другим людям соответствующие обстоятельствам вопросы. Одним словом, язык и в целом семиотические системы являются активными средами, в которых мы каждый раз заново сотворяем себя и свое сознание.

Деннет делает шаг в сторону более широкого, можно сказать, метафизического вывода. Ему импонирует высказанная рядом когнитивных ученых гипотеза о том, что естественный язык - самый важный и оригинальный артефакт из всех созданных человеком - в совокупности с нашим мозгом, являющимся его органическим носителем, можно рассматри-

вать как *первое изобретение универсального компьютера*. В свете этой гипотезы в сознании вполне правомерно видеть виртуальную машину, «непроизводительно имплантированную в параллельный hardware, которым нас снабдила эволюция»²².

Для понимания специфики деннетовского натурализма важно иметь в виду еще один момент. Деннет принял на вооружение ряд идей социобиологов, в частности, идею о том, что с появлением человека возник новый вид репликаторов - культурных единиц, которые, как и гены, подвержены действию естественного отбора. Ричард Докинз придумал для них имя - *меме*. Меме - это сложные репликаты, «единицы культурной трансмиссии, или единицы имитации», такие как идеи колеса, одежды, прямого угла, алфавита, календаря, исчислений, шахмат и так далее. Культура явилась эволюционной новацией не только в плане появления возможностей для творчества артефактов, но и в смысле внесения изменений в дизайн самой природы благодаря влиянию на человеческое сознание и мозг. Подобно вирусам, мемме ищут для себя подходящую среду для заселения. «Как только в мозгу выстроились входные и выходные пути для колесниц языка, они вскоре были *паразитически освоены* (и я говорю об этом буквально) сущностями, которые эволюционировали для того, чтобы захватить эту нишу: мемме»²³.

Это позволяет по-новому посмотреть на бытие самости. Привычное представление о самости как самоактивном агенте, полезное для социальных и психологических целей, в теоретическом отношении несостоятельно. Самости плетутся из мемме и дискурсов, соединяясь в более или менее когерентные узлы. В статье «Почему каждый из нас является новеллистом» Деннет придумал для самости метафору «центр нарративной гравитации» (по аналогии с физическим центром тяжести), чтобы показать присутствие и в то же время виртуальность самости или воображаемой автобиографии²⁴. Утверждать, что только человеческий мозг и сознание творят

самость, - ошибочно. Чаще всего не столько мы плетем рассказы о себе, сколько рассказы плетут нас. Подобно другим артефактам культуры, «центры нарративной гравитации» постоянно меняют свой статус и положение.

Если феноменальный мир есть не что иное, как создаваемая нашими нарративами иллюзия, возникает вопрос, может ли иммунный к «миражам феноменологического сада», но подражающий человеческому когнитивному поведению робот (или зомби) считаться таким же осознающим себя самостоятельным бытием, что и человек? Ответ Деннета: «да» и только «да». Главным признаком сознания является как раз то общее, что имеется у нас с компьютерами - функционирование когнитивно-информационных процессов. Если человеческое сознание рассматривать в виде некоей виртуальной машины, тогда любой сравнимой с ней *виртуальной машине* можно приписывать сознание. В принципе, говорит философ, «могла бы существовать сознательная самость, чьим телом был бы робот, а мозгом компьютер»²⁵. Это не следует, конечно, понимать в том смысле, что нынешние компьютеры являются осознающими себя самостями. Деннет оговаривается, что, во-первых, речь идет о философской гипотезе и, во-вторых, что на сегодня специфический жаргон компьютерных наук наиболее подходит для описания сознания, хотя смысл компьютерных метафор в философии сознания (как и смысл биологических понятий и аналогий в философии) раскрывается только в ее предметном контексте.

Личность как подкласс интенциональных систем Деннет полагает, что предложенное им на основе гетерофеноменологии толкование понятий «сознание», «самость», «личностное», «свобода воли», «интенциональность» помогает выявить ошибки нашего обычного рассуждения о «личностном» (selfhood) и снимает традиционные конфликты детерминизма и свободы, механистического объяснения человека и моральной ответственности. В практическом от-

ношении данная интерпретация имеет важное значение для юриспруденции, где постоянно встают вопросы о точном содержании понятия «личность» в связи с определением вменяемости, правовой и моральной ответственности подсудимых, а также для этики и социальных наук, где возникает много путаницы из-за неадекватного понимания относящихся к человеку категорий.

В европейской философии и юриспруденции принято как само собой разумеющееся, что существа, относящиеся к *homo sapiens*, за исключением младенцев и психически больных людей, являются «личностями», то есть свободными, вменяемыми и ответственными существами. В таком содержании понятия «личность» переплетаются два смысла - моральный и метафизический. Последний, связанный с понятиями «свобода воли», «самоактивная самость», обычно принимается за основание первого. Такого основания, согласно Деннету, у личности нет, поскольку таких реальностей, как «самость» и «свобода воли», нет в природе. Это - нормативные понятия. Но даже если оставить в стороне метафизику, определения, которые даются личностному, весьма шатки. Авторы, пишущие о личности, обычно не ставят вопрос о *логической правомерности* приписывания какому-то существу почетного звания «личность». Между тем только в случае приведения *необходимых и достаточных* условий мы имеем логическое право говорить о каком-то существе, что оно является личностью.

Обычно, утверждает философ, приводятся шесть таких условий. Считается, что для того, чтобы признать объект личностью, он должен быть: 1) рациональным существом; 2) существом, которому свойственны состояния сознания и которому можно приписывать ментальные или интенциональные предикаты; 3) существом, бытие которого конституируется в зависимости от принятой по отношению к нему установки или позиции другого; 4) существом, способным к взаимности; 5) существом, способным к вербальной комму-

никации; б) существом, способным к самосознанию или саморефлексии²⁶.

Проанализировав каждое из перечисленных условий, Деннет констатирует, что все они являются *необходимыми*, но их нельзя признать за *достаточные*. Это значит, что определение на их основе какого-либо существа как личности всегда может быть подвергнуто сомнению. Общий вывод философа состоит в следующем: понятие «личность» может быть только нормативным и, следовательно, социально обусловленным. Этот вывод должна учитывать юриспруденция, в которой проблема правовой и моральной ответственности упирается в вопрос о том, кого мы можем считать личностью. «Допущение, что некое существо является личностью, оказывается шатким как раз в тех случаях, когда оно особенно практически значимо - при совершении каких-то проступков и возникновения вопроса об ответственности»²⁷. Маркс и Ницше, приписывавшие личности социально-нормативный характер, шли, считает Деннет, верным путем, хотя и не представили для этого логически убедительной аргументации.

При определении «личностного» нам следует отказаться от поиска метафизической основы и принять единственно приемлемую стратегию - стратегию интенциональной установки, приписывающей личности рациональность. О личности можно только сказать, что она относится к подклассу интенциональных систем или к интенциональной системе высшего уровня, владеющей языком и поэтому осознающей себя и отвечающей за свои поступки. «Высший уровень» означает, что у личности наряду с собственными верованиями и желаниями есть верование в наличие желаний у других людей, верование о верованиях других людей относительно их собственных желаний и так далее. Это, конечно, не каузальное определение, но это лучше, чем ничего.

А как быть с моральной ответственностью? В отличие от кирпича или животного человеку свойственно целенаправленное и ответственное поведение. В аналитической филосо-

фии на этот счет есть несколько позиций. Радикалы считают, что по мере расширения и углубления знания каузальных факторов, детерминирующих поведение личности, мы все больше вынуждены освобождать ее от ответственности. Умеренные полагают, что целеполагающее объяснение может быть *присоединено* к механическому объяснению, но отнюдь не вытеснено им или редуцировано. Специфика позиции Деннета состоит в том, что он пытается снять оппозицию механицизма (всеохватывающего детерминизма) и целеполагающего объяснения, доказывая возможность их *совместимости*²⁸.

Говоря об интенциональности, мы отмечали, что, по Деннету, в нашем распоряжении имеются три объяснительные стратегии, а именно - физическая установка, установка дизайнера и интенциональная установка. Главная нормативная особенность интенциональной установки - *допущение рациональности* в объясняемой системе, то есть допущение ее разумности в свете приписываемых ей верований, интенций, желаний. (Имеются в виду не только личности, но и компьютер). Обычно мы не ожидаем иррациональной реакции от людей, с которыми сталкиваемся (или от компьютера), но когда они реагируют именно таким образом, мы обращаемся к другим объяснительным стратегиям, прежде всего к установке дизайнера, и ищем разгадку их поведения в органических неполадках. Это происходит, например, в общении с психически нездоровыми людьми. Применение физической установки (механистического объяснения) к поведенческим системам сейчас представляется маловероятным, за исключением очень немногих сфер, вроде хирургического лечения эпилептических припадков.

В целом позицию Деннета относительно ответственности в свете тенденции к расширению механистического объяснения человека можно оценить как уклончивую. Оптимист, не сомневающийся в прогрессе науки, он выглядит не очень уверенным, когда от него требуется однозначный ответ на во-

прос о том, возможна ли полная гегемония механицистского (физикалистского) объяснения. Слишком много вопросов все еще остается без ответа. С одной стороны, Деннет выступает и против усмотрения антагонизма между механицистским и целеполагающим (интенциональным) объяснениями, и против внешнего «присоединения» одного к другому, заявляя о совместимости двух этих типов объяснения. Тот факт, что мы можем применять интенциональную установку по отношению к компьютерной машине, а механицистскую - к телесной организации людей, свидетельствует об их взаимодополнительности, а не о противостоянии. В то же время Деннет не исключает, что в будущем - «в какую-то последующую неделю» - механицистское объяснение вытеснит интенциональное и мы будем рассматривать личности «как меньшее, чем личностей, во имя их собственного блага». Иначе говоря, физикализм Деннета, как и другие радикальные формы материализма, можно отнести к категории «обещающего материализма», верящего в возможность полного описания человека в физикалистских терминах, но относящего эту возможность в неопределенно далекое будущее.

Деннет и критика

И радикализм предложенного Деннетом проекта объяснения сознания, и провокативность многих его суждений о привычной нам «Вселенной Сознания» не могли не вызвать широкой ответной реакции коллег.

Начнем с позитивных оценок. Практически у всех вызывает восхищение его информированность во всех областях знания, имеющих отношение к исследованию интеллекта, и подчас профессиональная ориентация в последних достижениях в области когнитивных наук, наук об искусственном интеллекте и биологии. Многие пишут о смелости его проекта - представить на самом современном уровне материалистическую концепцию сознания, и считают, что яркая экспозиция функционалистской альтернативы дуализму является на се-

годня наиболее разработанной системой аргументации. Самые хвалебные оценки в адрес Деннета высказал Ричард Рорти. Когда тот доказывает, почему наша теория сознания больше не должна строиться на таких фикциях, как «трансцендентные глубины Я», «самость», «квалиа», его можно сравнить с коперниканцами, заявлявшими, что следует перестать говорить о Земле как центре Вселенной, а также с современными постмодернистами, смело освобождающими наш язык от модернистских псевдореалий. Несмотря на идиосинкразию к европейскому деконструктивизму, у Деннета, считает он, есть веские основания протянуть руку дружбы Ж. Деррида. Правда, для этого ему нужно перестать балансировать «на заборе» между ирреализмом и реализмом²⁹.

Однако очень многие коллеги сомневаются, что Деннету удалось положить Декарта на лопатки. Справиться с феноменальным, субъективным, самостно-личностным при помощи их элиминации еще не значит их объяснить. При всем том, что в когнитивных науках действительно накопился большой массив данных относительно того, что люди обманываются в интроспективных отчетах о своих ментальных состояниях, все же моя боль - это мое реальное чувство боли, а не просто физическая реакция организма и вербальный отчет о ней. Признание такой квалиа несуществующей чересчур контринтуитивно.

Широкие дебаты вызвало толкование Деннетом объективизма. Что вообще значит объективно объяснить сознание? Согласно гетерофеноменологическому методу Деннета (по определению нейтрального и объективного) это означает, что в объяснении сознания мы не должны прибегать к ментальному или субъективному. Однако многие философы высказывают серьезные сомнения относительно всеобщего пан-объективизма. Дж. Сёрл, например, считает, что полувекковая атака на сознание с физикалистских позиций, с применением компьютерных аналогий или без них, не смогла ликвидировать асимметрию между отчетом личности о своих внут-

ренных состояниях «от первого лица» и способами, какими описывают эти состояния «с позиции третьего лица». Нормальная рационалистическая и объективная наука должна включить в себя «субъективную онтологию», если и не «вовнутрь», то «наряду»³⁰.

Очень часто Деннета упрекают за то, что его модель сознания как «Множественных набросков» прокладывает слишком глубокую пропасть между осознающим себя в речи человеком и лишенными языка живыми существами, включая человеческих младенцев, и одновременно скрадывает пропасть между человеком и машиной. Способная писать повести и играть в шахматы машина оказывается в более родственном отношении с человеком, нежели человек с приматами. И все потому, что для Деннета когнитивный аспект сознания и оперирование знаково-информационной системой - более важный фактор сходства, нежели физиологическое средство.

В связи с этим серьезные возражения критиков вызывает «семиотический», или «компьютерный», материализм Деннета. Аналогия между человеческими когнитивными процессами и информационными процессами компьютера, говорят они, основана на сходстве синтаксиса. Для придания символам смысла требуется самость, или, если прибегнуть к компьютерному языку, «пользователь» (user), без чего цепочка символов сама по себе лишена смысла. Ведь всегда возникает вопрос о том, кто означает и понимает символические цепочки программ. Один из наиболее часто используемых аргументов против деннетовского «семиотического», или «компьютерного», материализма - аргумент «Китайской комнаты» Дж. Сёрла. Сёрл рассматривает воображаемую ситуацию: в комнате к находящемуся там человеку поступают сообщения на китайском языке, которым он не владеет, но знаком с синтаксическими правилами трансформации иероглифов (то есть, программой). В соответствии с этими правилами он может преобразовывать поступающую извне информацию, и у китайцев, находящихся вне комнаты, может сложиться впе-

чатление, что человек понимает содержание получаемой и отправляемой информации. На самом деле этот человек, как и компьютер, не что иное как машина синтаксической трансформации: он не обладает ни интеллектом, ни семантическим пониманием³¹.

Разумеется, на все эти замечания у Деннета есть контраргументы. Мы не будем их приводить. Выскажем только несколько собственных, главным образом историко-философских, соображений.

На фоне замешательства философов перед «великой тайной сознания» и тенденции ученых-когнитивистов выводить сознание «за скобки», Деннет смело бросился на штурм «бастиона сознания». Его заслуга, безотносительно к тому, кто в нынешней полемике о сознании находится ближе, а кто дальше от истины, состоит в том, что он попытался на современном когнитивном уровне реализовать старую мечту философов - не впадая в редукционизм, объяснить единство духовно-физического бытия человека. Предложенная им альтернатива как картезианскому дуализму, так и картезианскому материализму, безусловно, неординарна. Он выстраивает ее таким образом, чтобы показать объективный (то есть без допущения агентов или субъектов) характер действующих в мире алгоритмов «Машины Дарвина», «Машины Тьюринга» и «Виртуальной машины сознания», в которой мысли сами себя мыслят. Все эти «машины» Деннет толкует функционалистски: это не какие-то конкретные свойства или особые реальности, это - абстракции, точнее, *функциональные принципы организации*, или абстрактные принципы функционирования систем. Задачу своей исследовательской программы он видит в том, чтобы выявить и показать, как эти абстрактные принципы или алгоритмы работают в природе, в естественном и искусственном интеллекте, в артефактах культуры.

Специфика и смелость проекта Деннета в том, что он не удовлетворился господствующим в аналитической филосо-

фии социолингвистическим подходом и попытался соединить его с натурализмом. Проще говоря, он стремится работать одновременно в социо-лингвистической и в социо-биологической парадигме, а еще точнее - на их стыках. Это очень трудно и, как считают многие, например Рорти, даже невозможно; приходится либо следовать максиме Витгенштейна, согласно которой «границы языка являются границами мысли», либо допускать какие-то доязыковые формы сознательности, но тогда возникает угроза трансценденции и компромиссы здесь невозможны. У Деннета другое мнение. Он считает абсурдной позицию, когда между языком и природой образуют пропасть, ибо сам язык есть результат эволюционного развития. Конечно, лингвоцентризм гетерофеноменологии, интерпретативизм интенциональной установки, реляционизм, прагматизм и многое другое связывают его с традицией Витгенштейна - Райла - Гудмена. Вместе с тем он стремится подправить «лингвистический крен» натуралистическими подпорками: признает природный «базисный инстинкт», лежащий в основе представления об истине, допускает некоторые элементы традиционного реализма (реализм паттернов, законов, уровней), различает физически реальное и интенциональное и приписывает Матери-Природе роль первого дизайнера всех наших установок.

Будущее покажет, насколько исследовательская стратегия «компьютерного материализма» Деннета окажется оправданной. Очевидный факт состоит в том, что она открыла новые горизонты для исследований сознания, обогатила понятийный багаж философии и способствовала прогрессу когнитивной культуры. Своей провокативностью она подлила масла в огонь дебатов и стимулировала многих философов определиться в дилемме: «монизм или дуализм». Огромный поток литературы по проблеме сознания, появившийся в последние два десятилетия XX века, свидетельствует о том, что не только философы, но и ученые ринулись искать новые идеи, аргументы, ставить мыслительные эксперименты

в

по-

пытках найти ответ на извечный вопрос: «Что такое сознание?» В этом возросшем интересе к проблеме сознания есть заслуга и Деннета.

Для российского читателя философия Деннета может представлять интерес как источник получения информации о характере и направлении дискуссий в англоязычной мысли конца XX века по проблеме сознания и личности, о новых поворотах в обсуждении этой проблематики и современном уровне когнитивной культуры. Те, кто интересуются историей мысли прошлого, найдут в неординарных идеях Деннета репрезентативный материал для размышлений о смысловых и стилевых сдвигах, произошедших в философии XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹*Dennett D.* Consciousness Explained. Boston, 1991, p. 406.

²*Dennett D.* Brainstorms. Philosophical Essays on Mind and Psychology. Montgomery, 1978, p. XIV.

³*Патнэм Х.* Сознание и машины - В кн.: *Патнэм Х.* Философия сознания. М., 1999, с. 23-52.

⁴*Dennett D.* Consciousness Explained, p. 37.

⁵*Nagel Th.* The View from Nowhere. Oxford, 1986, p. 15.

⁶*Searle J.R.* The Rediscovery of Consciousness. Cambridge Mass., 1992. См. рецензию на эту книгу: *Dennett D.* Review on Searle J.R. «The Rediscovery of Consciousness». - In: *Journal of Philosophy*, vol. XC, № 4, April 1993, p. 193-205.

⁷*Dennett D.* Consciousness Explained, p. 56.

⁸*Ibid.*, p. 369.

⁹*Ibid.*, p. 371.

¹⁰*Ibid.*, p. 378.

¹¹*ibid.*

¹²*Dennett D.* Consciousness Explained, p. 374.

¹³*Ibid.*, p. 375.

¹⁴*Ibid.*, p. 434.

¹⁵*Ibid.*, p. 140.

¹⁶*Dennett D.* How to Study Human Consciousness Empirically or

Nothing Comes to Mind - In: «Synthese». Oxford, 1982, vol. 53, №2, p. 175.

¹⁷*Dennett D.* Animal Consciousness: What matters and Why - In: «Social Research». L., 1995, vol. 62, № 3, p. 703.

¹⁸*Dennett D.* Brainstorms, p. 271. ¹⁹*Dennett D.* Consciousness Explained, p. 111.

²⁰*Ibid.*, p. 135.

²¹*Ibid.*, p.433.

²²*Ibid.*, p.218.

²³*Ibid.*, p.200.

²⁴*Dennett D.* Why Everyone is a Novelist - In: Times Literary Supplement, September 16-22, 1988, p. 96-98.

²⁵*Dennett D.* Consciousness Explained, p. 431.

²⁶*Деннет Д.* Условия личностного - Журнал «История философии», М., 1999, № 5, с. 199-223.

²⁷Там же, с. 222.

²⁸*Dennett D.* Brainstorms, p. 73

²⁹См.: *Деннет Д.* Почему нам важно понимать это правильно.

Постмодернизм и истина - Журнал «Вопросы философии», М., 2001, № 8; *Юлина Н.С.* Деннет о вирусе - Там же.

³⁰См.: *Searle J.R.* The Rediscovery of Consciousness. Cambridge Mass., 1992.

³¹См.: *Сёрл Д.* Мозг, сознание и программы - В кн.: Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998, с. 376-400.

СОЧИНЕНИЯ

Content and Consciousness. London, Boston, 1969; Brainstorms. Philosophical Essays on Mind and Psychology. Montgomery, 1978; The Mind's I: Fantasies and Reflections on Self and Soul. (Compauned and ed. with *D.R.Hofstadter*), New York, 1981; Elbow Room: the Varieties of Free Will Worth Wanting. Oxford, 1984; The Intentional Stance. Cambridge, L., 1989; Consciousness Explained. Boston, 1991; Darwin's Dangerous Idea. Evolution and the Meaning of Life. L., 1995; Kinds of Minds. Toward an Understanding of Consciousness. N.Y., 1996; Brainchildren, 1998;

Онтологическая проблема сознания. (Перевод *Блинова А.Л.*) - В кн.: Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998, с. 361-375; Условия личностного. (Перевод *Юлиной Н.С.*) - В журнале «История философии», М., 1999, № 5, с. 199-223; Почему нам важно понимать это правильно. Постмодернизм и истина. (Перевод *Юлиной Н.С.*) - Журнал «Вопросы философии», М., 2001, № 8, с. 93-100; Почему каждый из нас является новеллистом. (Перевод *Юлиной Н.С.*) - Журнал «Вопросы философии», М., 2003, № 2, с. 121-130.

ЛИТЕРАТУРА

Юлина Н.С. Дэниел Деннет: концепция сознания и личностного - Журнал «История философии», М., 1999, № 5, с. 192-198; *Юлина Н.С.* Деннет versus Рорти - В кн.: Системные исследования. Методологические проблемы. М., 2001, с. 100-122; *Юдина Н.С.* Деннет о вирусе постмодернизма. Poleмика с Р.Рорти о сознании и реализме - Журнал «Вопросы философии», М., 2001, № 8, с. 78-92; *Юлина Н.С.* Дэниел Деннет - В кн.: Новая философская энциклопедия, М., 2000, т. 1, с. 623-624; *Юлина Н.С.* Д.Деннет о проблеме ответственности в свете механицистского объяснения человека - Журнал «История философии», М., 2002, с. 58-77; Dennett and His Critics: Demystifying Mind. Ed. by *Dahlbom B.* Oxford, Cambridge, 1993; Daniel Dennett's «Consciousness Explained». Symposium - In: «Inquiry», vol. 36, 1993, № 1/2.